
Зарубежная литература

УДК 821.111

КРАСАВЧЕНКО Т.Н.¹ БРЭМ СТОКЕР И ЕГО РОМАН «ДРАКУЛА» В КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ.
DOI: 10.31249/lit/2021.03.13

Аннотация. Брэм Стокер, автор «Дракулы» (1897), романа, ставшего не просто бестселлером, а «культовым» произведением, принадлежал к «правлящему» протестантскому меньшинству в Ирландии, верил в британский имперский миф. В центре его романа – геополитический сюжет о противостоянии Западной и Восточной Европы, включающей и Россию. В романе нет русофобии, которую находят в нем некоторые исследователи, но есть взгляд на Восточную Европу «сверху вниз». По сути, Стокер создал свой миф о «Востоке» и спроецировал на Восточную Европу свое двойственное – одновременно отчужденно-высокомерное и сочувственное – отношение к «отсталому» католическому большинству Ирландии. В образе Дракулы, истории его вторжения в Англию он воплотил таившиеся в викторианском культурном подсознательном страхи перед всем чужим, опасным для Британии и ее империи.

Ключевые слова: англо-ирландская литература; готический роман; позднее викторианство; британские геополитические мифы.

KRASAVCHENKO T.N. Bram Stoker and his novel «Dracula» in cultural-historical context.

¹ Красавченко Татьяна Николаевна – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела литературоведения ИНИОН РАН.

Abstract. Bram Stoker, the author of «Dracula» (1897), which is not only a bestseller, but a «cult» work, belonged to the «ruling» protestant minority in Ireland and believed in British empire myth. The core of his novel is a geopolitical story of the confrontation between civilized Western Europe and backward Eastern Europe, which incorporates Russia. There is no Russophobia in the novel, as some critics suppose, but there is «a top-down view». In fact Stoker created his own myth of the East. He projected his ambivalence – arrogance and empathy – towards the «backward» Catholic majority of Ireland to people of Eastern Europe. He embodied fears of all strange, foreign, lurking in the Victorian cultural subconscious, in the image of Dracula and his invasion of England.

Keywords: Anglo-Irish literature; Gothic novel; late Victorianism; British geopolitical myths.

Для цитирования: Красавченко Т.Н. Брэм Стокер и его роман «Дракула» в культурно-историческом контексте // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 7: Литературоведение. – 2021. – № 3. – С. 146–158. DOI: 10.31249/lit/2021.03.13

Брэм Стокер (1847–1912), написавший книгу сказок и более десяти романов – любовно-авантюрных, о сверхъестественном и таинственном, – при жизни был известен главным образом как автор «Воспоминаний о Генри Ирвинге» (1906), знаменитом викторианском актере (в театре последнего «Лицей» он долгие годы работал управляющим), и книги «Знаменитые обманщики» (1910) – в ней он поведал о самозванцах, мошенниках, колдунах, ведьмах, а также об австрийском враче Франце Месмере, разработавшем учение о «животном магнетизме», излечивающем болезни. Со временем Стокер получил признание как автор самого значительного в «готической традиции» произведения – «романа ужасов» «Дракула» (1897). Благодаря ему писатель обрел место в литературном пантеоне, не только британском и ирландском, но и мировом.

Роман был переведен на многие языки мира. После его первой – вольной – экранизации в 1922 г. немецким режиссером Фридрихом В. Мурнау началась кинематографическая «эпидемия» «Дракулы»: существует уже более 100 киноверсий приключений

графа и его двойников (среди них фильмы известных режиссеров – Романа Полански, Вернера Херцога, Фрэнсиса Форда Копполы).

Уникальный inferнальный персонаж Стокера сошел со страниц романа и начал самостоятельную жизнь в массовом общественном сознании. Таким образом, персонаж несколько затмил автора, а также и сам роман с его историческими смыслами и контекстами. Между тем последние очень важны для понимания этого незаурядного произведения, созданного в поздневикторианскую эпоху в конкретной историко-культурной и политической ситуации, при изучении которой выясняется, что Б. Стокер был гораздо более политически ангажированным писателем, чем кажется на первый взгляд.

Читателя романа, конечно, прежде всего привлекает тема вампиризма, имеющая глубокие метафорические, философские смыслы. Традиционной оппозиции «жизнь – смерть» в романе Стокера противостоит необычная оппозиция «смерть – бессмертие вампира», или «живого мертвеца», которым становится вампир, т.е. бессмертие оказывается страшнее смерти. Таким образом, миф о вампире примиряет человека со смертью.

Однако не менее интересны в романе исторические и политические мифы. Изучение биографии Стокера убеждает в том, что создать такой роман, как «Дракула», мог именно ирландец (заметьте, что роль англо-ирландских писателей – среди них Свифт, Джойс, Йейтс – в британской литературе очень велика). Стокер принадлежал к протестантскому меньшинству в Ирландии (где, как известно, большинство – католики). Его семья посещала протестантскую церковь Ирландии в Дублине, писал он на английском, а в 1878 г. – 31 года от роду – переехал в Лондон.

«Дракула» был написан во времена, озаменованные для Британии первой Великой депрессией (1873–1896), поражением в первой Англо-бурской войне (1880–1881) и наметившимся пониманием того, что викторианский расцвет миновал [см.: 3, р. 139]. У Стокера, как и у многих других приверженцев британской империи, возникло ощущение того, что она слабеет, и он чутко реагировал на все, что ей угрожало.

По мнению биографа писателя, профессора Колумбийского университета (Нью-Йорк) Барбары Белфорд, истоки мироощущения Стокера надо искать в его детстве, когда он проникся страхами и предрассудками ирландского протестантского среднего класса [1, р. 23]. В 1854 г. – в начале Крымской войны – ему было семь лет. Из рассказов родителей, их разговоров с друзьями и соседями, из газетных публикаций он понял, что Россия угрожала их безопасности и свободе, а Англия предприняла крестовый поход против варварства и тирании. Газетные репортажи о тифе и дизентерии в войсках, находившихся в Крыму, стали для мальчика еще более реальными и пугающими после комментариев его дяди – Уильяма Стокера, врача в Дублинской больнице [1, р. 18–19]. И позднее он не раз встречал отклики на Крымскую войну и ее образы в журналистике, в искусстве, в частности в 1874 г. в Королевской академии состоялась выставка живописи на темы Крымской войны.

Тестем Брэма Стокера, в 1878 г. женившегося на дублинской красавице Флоренс Балкомб, стал подполковник Джеймс Балкомб, ветеран Крымской войны, назвавший свою дочь в честь ее легендарной героини – медсестры Флоренс Найтингейл [1, р. 83–84]. Когда Стокер ухаживал за Флоренс, ее отец часто рассказывал ему об ужасных битвах на реке Альма, при Инкермане и Севастополе. Другим источником сведений о Крымской войне были для него беседы с друзьями Генри Ирвинга – знаменитым политиком Уильямом Э. Гладстоном и поэтом-лауреатом Альфредом Теннисоном, автором известного стихотворения «Атака легкой кавалерии» (1854); они часто бывали на ужинах, которые Ирвинг устраивал за кулисами своего театра «Лицей» – в особом банкетном зале *Beef-Steak Room* [1, р. 130–131]. Нередко в присутствии Стокера они обсуждали причины Крымской войны, ее цели и плачевные результаты, отвагу британских участников, военные и правительственные ошибки, дикость, варварство русских.

Крымская война напоминала викторианцам о пределах их военной мощи, зыбкости их положения среди враждебных империй, наводила на мысли о России как имперском сопернике Брита-

нии, о далеких, чужих и неведомых славянах, порождала опасения перед тем, что оттуда – с Востока – им грозит опасность.

К тому времени, когда Стокер приступил к работе над «Дракулой», отношение к Крымской войне смягчилось. Образы британской славы, храбрости, благородства возобладали в коллективном бессознательном британского общества над более ранними, непосредственными образами трагедии. Неизменно сохранявшиеся имперские настроения, связанная с ними жажда героических приключений и побед и вместе с тем подспудное ощущение опасностей, грозивших британской цивилизации к концу XIX в., нашли выражение в «имперской готике» и фантастике. В 1897 г. появились «Война миров» Герберта Уэллса и «Дракула» Стокера – романы о «вторжении» в Британию пришельцев (в одном случае марсиан, в другом – зловещего чудовища-вампира Дракулы из Восточной Европы), намеренных уничтожить ее, однако британцы в них неизменно выходили победителями. Готическая литература, и не только готическая, а и такая, как, скажем, роман «Ким» (1901) Редьярда Киплинга, знакомого Стокера, поддерживала британский имперский дух.

Для имперского готического романа характерно внимание к оккультизму и спиритуализму. Б. Белфорд прослеживает истоки интереса Стокера к готической традиции, к ужасному, сверхъестественному в детстве писателя и истории Ирландии. Брэм родился в 1847 г. – в «кошмарный период» Великого голода в Ирландии (1845–1849), известного за ее пределами как Ирландский картофельный голод (Irish potato famine) [1, p. 17]. Он был болезненным мальчиком и не мог ходить до семи лет. Во время его долгой болезни мать рассказывала ему страшные ирландские мифы и легенды, а также жуткие истории о холере, опустошившей в 1832 г. ирландское графство Слайго, где она жила в детстве (об этом он поведал в рассказе «Незримый великан» – «The invisible giant»). Позднее во время учебы в Тринити-колледже в Дублине Стокер проявил интерес к «готическим» или близким к «готике» произведениям – «Коринфской невесте» Гёте, «Балладе о старом моряке» Колриджа. Китсовская баллада «La Belle Dame sans merci» и ирландские истории о суккубах, которые соблазняют спящих моло-

дых мужчин, и их мужских двойниках – инкубах – дали ему модель для сюжета о Люси Вестенра и Дракуле [1, р. 257–258]. Склонность к романтическим, готическим образам, увлечение оккультизмом (по слухам, он участвовал в магических ритуалах тайного общества «Орден Золотой Зари» [1, р. 211–213]) в сочетании с острым ощущением угроз британскому имперскому лидерству в поздневикторианский период со стороны «варваров» и сделали Стокера автором имперского готического романа.

Нужно учитывать и то, что еще в период романтизма возник интерес к экзотике и к литературе путешествий – травелогам, знакомившим обычных британцев с наименее известными им частями мира. Более того, как заметил американский критик Эдвард Саид, такая литература превратила Восток в «почти европейское изобретение» – место жизни экзотических существ, необычных переживаний, поражающей воображение природы [6, р. 9]. В сущности, Стокер в «Дракуле» создал «свой Восток». Он не бывал в Восточной Европе и, работая над романом, основывался на книжных источниках: «Описании княжеств Валахия и Молдавия: с различными политическими наблюдениями о них» (*An Account of the principalities of Wallachia and Moldavia: With various political observations relating to them*, 1820) британского дипломата Уильяма Уилкинсона, на пронизанном чувством расового превосходства британцев травелоге майора Э.С. Джонсона «По следу полумесяца. Беспорядочные заметки от Пирея до Пешта» (*On the track of the Crescent: Erratic notes from the Piræus to Pesth*, 1885) и, вероятно, на малоизвестной антиславянской книге «“Неописуемое”: или два года военной кампании в европейской и азиатской Турции» (*With 'the unspeakables', or, Two years campaigning in European and Asiatic Turkey*, 1878) своего брата – врача-волонтера Джорджа Стокера о Русско-турецкой войне 1877–1878 гг., где тот отзывался о болгарях как о заядлых мошенниках, а о турецких крестьянах как о честных тружениках. Эти книги послужили источниками для описаний пейзажей и местности в «Дракуле», а также стереотипных представлений о славянах и цыганах, характерных для широкой британской публики [5, р. 4].

Среди исследований творчества Стокера привлекает внимание монография «Брэм Стокер и русофобия» (2006) доцента (assistant professor) университета Миддл-Теннесси (г. Мерфрисборо, США) Джимми Кейна-мл. [4]. Можно ли говорить о русофобии Стокера? Дж. Кейн-мл. основывается на исследовании американского историка Джона Х. Глисона «Генезис русофобии в Великобритании», изданном в 1950 г., т.е. на волне холодной войны, где не без оснований утверждается, что в британском обществе в XIX в. преобладали недоверие к России, страх перед нею, т.е. русофобия, порожденная соперничеством британской и российской империй на Ближнем Востоке и в Центральной Азии. Русофобия определяла британскую внешнюю и военную политику того времени и привела к Крымской войне 1854–1856 гг. По мнению Дж. Кейна-мл., в своем творчестве Стокер откликнулся на российский вызов английскому владычеству в мире [4, р. 2], а представления о восточной угрозе и варварстве ассоциировались у Стокера с главным имперским соперником Англии в XIX в. – Россией и ее славянскими союзниками на Балканах [4, р. 14].

Обратимся к самому роману. Какова в нем роль русских? Русский сюжет возникает в главе VII. Мина Меррей, впоследствии жена одного из центральных персонажей романа – Джонатана Гаркера, приобщила к своим дневниковым записям вырезку из газеты «Дейлиграф», выходящей в городке Уитби, расположенном в Северном Йоркшире на восточном берегу Британии – в устье реки Эск. В газете описано прибытие в порт русской шхуны «Деметра». Эта история основана на реальном эпизоде. Летом 1890 г. Стокер с семьей приехал отдохнуть в Уитби, где начал работать над романом, и в городской библиотеке нашел в «Уитби Газет» заметку от 24 октября 1885 г. – о русской шхуне «Димитрий», пришедшей из Нарвы: она вошла в порт во время шторма, потеряла управление, врезалась в береговую насыпь, села на мель, но не пострадала [1, р. 222].

Стокер также создает в романе образ шальной русской шхуны. Сначала она маячит на горизонте под всеми парусами, дав повод местным жителям для разговоров о безрассудной отваге или полном невежестве капитана и его помощников. Затем, когда вне-

запно грянула буря, охваченные ужасом зрители видят в свете прожектора, как ветер гонит шхуну под всеми парусами, да так, что, по выражению одного морского волка, «она мчалась прямоком в ад» [8, с. 103–104] – на большой риф, преграждавший ей путь в гавань. Внезапно ее окутывает плотный туман [происки Дракулы. – Т. К.], а когда ветер его развеял, стало видно, как, взлетая на волнах, на головокружительной скорости загадочная шхуна входит между молами в гавань. Прожектор осветил ее, «и все невольно содрогнулись: к штурвалу был привязан труп, голова его безвольно моталась из стороны в сторону при каждом покачивании корабля. И больше на палубе – ни души! Все были потрясены: никем не управляемый – разве что мертвецом! – корабль чудом вошел в гавань!» [8, с. 104], в мгновение ока пересек ее и врезался в гору песка и гравия. Когда корреспондент газеты поднялся на палубу, он был потрясен: мертвец «был привязан за руки – одна поверх другой – к рукоятке штурвала. Причем та рука, которая оказалась внизу, прижимала к деревянному ободу крест с распятием, а прикрепленные к нему четки были обмотаны вокруг запястий и рулевого колеса» [8, с. 105]. В кармане покойного нашли тщательно закупоренную бутылку с вложенным в нее маленьким бумажным свитком, оказавшимся дополнением к судовому журналу» [там же]. «Само собой разумеется, *погибший моряк с большим почетом* [здесь и далее курсив мой. – Т. К.] был вынесен с места своей последней вахты, – *стойкость его сравнима с верностью долгу юного Касабьянки*» [8, с. 106]. Журналист сравнил русского капитана с персонажем хрестоматийного английского стихотворения «Касабьянка» (1826) поэтессы Доротеи Хеменс – о мальчике, который после гибели отца-адмирала героически не покинул горящий корабль и погиб.

Выяснилось, что русская шхуна «Деметра» пришла из Варны со странным грузом: несколько больших деревянных ящиков с черноземом и серебристым песком, обычно использовавшимся как балласт. Русский консул по договору о фрахте взял шхуну под свое попечительство, заплатил портовые сборы и т.п.

Журналисту удалось ознакомиться с судовым журналом «Деметры» – в нем по дням описывалась жизнь корабля, экипаж

которого состоял в основном из русских (капитан, пять матросов, помощник и кок), а первый помощник был румыном. После прочтения найденного в бутылке бумажного свитка (его любезно и быстро перевел с русского секретарь российского консула) у журналиста сложилось впечатление, что капитан страдал манией, развившейся во время плаванья. С 6 июля, когда шхуна вышла из Варны, по 3 августа на шхуне постепенно и таинственно исчезла вся команда, кроме самого капитана. Читателю становится ясно, что моряки стали жертвой Дракулы, которого они везли в одном из ящиков. Но сами они, ни русские, ни румын, долго не понимают, куда и почему исчезают их товарищи, и лишь к концу сознают, что столкнулись с «нечистой силой». Русский капитан, оставшийся на шхуне один, ищет спасения в молитве.

В романе есть еще одно беглое, но значащее упоминание России: американец Куинси Моррис по ассоциации со «страной волков» – «царством» Дракулы – говорит лорду Годамингу: «Помнишь, Арт, как за нами гналась волчья стая под Тобольском?» [8, с. 402]. Неясно, как и зачем Куинси и Арт оказались в Сибири, но очевидно, что писателю важно представить их как «суперменов», которые побывали во многих странах (даже в далекой, всегда заманчивой для британцев таинственной Сибири), попадали в разные передряги и с честью выходили из затруднительных положений.

Таким образом, очевидно, что русофобии в романе не наблюдается. Русские моряки изображены с сочувствием; жители Уитби устраивают русскому капитану торжественные похороны; русские дипломаты производят впечатление опытных профессионалов. Русские, как и британцы, представлены жертвами Дракулы. Различие состоит в том, что русские (как и трансильванцы) противостоят злу – Дракуле – пассивно: обращением к Богу, молитвами – и невольно становятся пособниками Дракулы: он прибыл в Англию на русской шхуне и убыл из нее на корабле «Царица Екатерина» («Czarina Catherine»). Тогда как британцы – центральные персонажи романа – борются с Дракулой активно и побеждают его.

Тут дело не в русофобии, а в другом. Определение одной из главных тем романа дал в 1990 г. российский философ, филолог, политолог Вадим Цымбурский (1957–2009). Он заметил, что Дракула в романе Стокера появляется из «зоны разлома цивилизации и культуры» [9, с. 353], и был прав: стержень романа – геополитический сюжет о противостоянии Запада и Востока, точнее Западной и Восточной Европы.

Мотив «противостояния» возникает на первых же страницах – с эпизода поездки английского стряпчего Джонатана Гаркера по делам к Дракуле в его замок. В своем дневнике Гаркер пишет о переезде из Западной Европы в Восточную – в другой, чужой для него мир: «Выехал из Мюнхена в 8.35 вечера 1 мая» и «утром следующего дня был в Вене; поезд вместо 6.46 пришел на час позже» [8, с. 11]. Упоминание об опоздании поезда именно в Вене, столице Австро-Венгерской империи, куда в описываемые времена входила Трансильвания (ныне – часть Румынии), маркирует Австро-Венгрию как пограничную территорию между Западом и Востоком. И дальше в Будапеште у Гаркера возникает чувство, «будто покидаешь Запад и встречаешься с Востоком; самый западный из великолепных мостов через необычайно широкий и глубокий в этом месте Дунай перенес нас в мир, еще сохраняющий следы турецкого владычества» [8, с. 11].

По дороге из Клаузенбурга, города в Северной Трансильвании (ныне румынский Клуж-Напока), в ближайший к замку Дракулы городок Бистрица Гаркер из поезда описывает свою «встречу» со славянским миром: «...самое странное впечатление своим нецивилизованным видом производили словаки. <...> Длинноволосые, с густыми темными усами, словаки, несомненно, живописны, но к себе не располагают. На сцене их можно было бы показывать как шайку восточных разбойников...» [8, с. 13]. А на постоялом дворе в Бистрице он наблюдает группу людей разной национальности, которые сочувственно посматривают в его сторону и повторяют «странно звучащие слова», необычные для его лексикона: *ordog* – дьявол, *rokol* – ад, *stregoika* – ведьма, на сербском и словацком (как выясняет Гаркер в словаре), «означающие одно и то же, что-то вро-

де оборотня или вампира» [8, с. 16]. Так он понимает, что попал в полный суеверий мир. Жители этого мира боятся Дракулу.

Кто же помогает Дракуле во время его путешествия в Лондон и обратно? Наиболее нецивилизованные, на взгляд Стокера, представители восточноевропейского населения – словаки, цыгане и, как упоминалось выше, русские. Дракула может действовать сам только ночью – после захода солнца и до рассвета. Поэтому днем из замка его вывезли местные цыгане, которые доставили груз словакам, а уж те переправили его в Варну – на русский корабль, шедший в Лондон. Когда Дракула бежит из Англии, ящик с ним прибывает из Лондона на шхуне «Царица Екатерина» в Галац, город в устье Дуная, там его отдают некоему Петру Скинскому (судя по имени и фамилии – поляку или словаку), который ведет дела со словаками, сплавляющими грузы по реке, и он передает ящик им. Они (по плану графа) доставляют его по реке Бистрица до ближайшего к его замку места, а дальше его везут цыгане.

Основная в романе – идея необходимости защиты прогресса и цивилизации, позднее высказанная Стокером в статье «Цензура и литература» (1908): «Сила зла – антиэстетическая сила, тем более опасная, что она естественна. Грех для человека столь же органичен, как жизнь и участие в неизбежной борьбе за нее. Но если прогресс – благо, и его цель – организация сил нации, то силам зла, естественным и произвольным, надо противостоять в полном масштабе. Недостаточно то там, то здесь защитить один рубеж, как бы важен он ни был; нужно защищать всю границу» [7, р. 435–436]. В борьбе со злом, пришедшим с Востока, Стокер сделал ставку на англоязычный мир и цивилизацию. Костяк «команды», противостоящей вампиру Дракуле, пришельцу из глухого уголка нецивилизованной Восточной Европы, – наиболее просвещенные представители англофонного мира – англичане Джонатан Гаркер, его жена Мина, лорд Годалминг, американец Квинси Моррис; эту «команду» возглавил ученый из Амстердама – Абрахам Ван Хелсинг (ему Стокер дал свое имя: Брэм, видимо, сокращенное от Абрахам, имени, которое ему дали при рождении, к тому же так звали его отца), что придало их «войне» общеевропейский масштаб. Стокер создал портрет верных Британии имперских воинов, кото-

рые побеждают примитивного восточного агрессора, преследуют его, загоняют в его родные края и там уничтожают.

Но очевидно, что Стокер создал свой мифический образ Восточной Европы, ее жители – валахи, словаки, русские... сливаются для него воедино, как отсталые, архаичные и в силу этого опасные для цивилизованной Западной Европы люди. Парадокс кроется в том, что, казалось бы, суперсовременная «команда» доктора Ван Хелсинга, использующая новейшие достижения технического прогресса той поры – пишущую машинку, фонограф, стенографию, телеграф и пр., – борется с Дракулой и побеждает его «отсталыми», архаичными методами: они используют чеснок, магический круг, за который не может переступить вампир, религиозные символы – крест, облатки, вбивают в сердце вампира кол, отрубая ему голову.

Тут очевидно, что Стокер *все-таки* был ирландцем, он вырос в Ирландии, учился в Дублине, ценил фольклор, народную мудрость и в Лондон (столицу Британии, колонизатора Ирландии) переехал, будучи уже вполне сложившейся личностью. В нем явно сочетались качества «колонизатора» и «колонизируемого», он не мог принять или отвергнуть постоянно возникавшие в британском общественном дискурсе идеи об отсталости Ирландии и ирландцев. В британской и ирландской культуре он – фигура амбивалентная, амбивалентен и его роман «Дракула», в котором Стокер, несмотря на идею противостояния отсталой Восточной Европе и возможной агрессии оттуда, создал уникальный по силе воздействия, сложный, по-своему харизматичный образ Дракулы, затмевающий образы его цивилизованных преследователей. С образом Дракулы, прототипом которого был господарь Валахии в XV в. – Влад Цепеш, в романе возникает тема Европы, противостоящей Османской империи. И что бы там ни было, но изображенные в романе образы «нецивилизованных» жителей Карпат и «отсталых» русских: команды и особенно капитана шхуны «Деметра» – вызывают сочувствие.

Список литературы

- 1 Белфорд Б. Брэм Стокер : биография автора «Дракулы».

**Брэм Стокер и его роман «Дракула»
в культурно-историческом контексте**

- Belford B. Bram Stoker : a biography of the author of «Dracula». – London ; New York : Alfred A. Knopf, 1996. – 381 p.
- 2 Глисон Дж.Х. Генезис русофобии в Великобритании : исследование взаимодействия политики и общественного мнения.
Gleason J.H. The genesis of russophobia in Great Britain : a study of the interaction of policy and opinion. – Cambridge (Mass.) : Harvard univ. press, 1950. – IX, 314 p.
- 3 Гловер Д. Вампиры, мумии и либералы. Брэм Стокер и политические смыслы популярной литературы.
Glover D. Vampires, mummies, and liberals. Bram Stoker and the politics of popular fiction. – Durham : Duke univ. press, 1996. – 232 p.
- 4 Кейн Дж.Х. Брэм Стокер и русофобия : свидетельства британских страхов перед Россией в «Дракуле» и «Леди в саване».
Cain J.H. Bram Stoker and russophobia : evidence of the British fear of Russia in «Dracula» and «The Lady of the Shroud». – Jefferson : McFarland & Co, Inc., 2006. – 215 p.
- 5 Лезердейл К. Истоки Дракулы : контексты готического шедевра Брэма Стокера.
Leatherdale C. The origins of Dracula : the background to Bram Stoker's gothic masterpiece. – London : City/Country, 1987. – 242 p.
- 6 Саид Э.В. Ориентализм.
Said E.W. Orientalism. – London : Routledge & Kegan Paul, 1978. – 368 p.
- 7 Стокер Б. Дракула.
Stoker B. Dracula / ed. by Byron Gl. – Peterborough (Ontario) : Broadview press, 1997. – 493 p.
- 8 Стокер Б. Дракула / пер. с англ. Красавченко Т.Н. ; изд. подгот. Михайлова Т.А., Одесский М.П. – Москва : Ладомир : Наука, 2020. – 889 с., ил. – (Литературные памятники).
- 9 Цымбурский В. «Граф Дракула», философия истории и Зигмунд Фрейд // Стокер Б. Вампир граф Дракула. – Кишинёв : Ада, 1990. – С. 333–366.